

Есть слова, которые, едва будучи сказанными, сразу забываются, умирают, точно и не было их вовсе. А есть — которые остаются в нашем сознании надолго, они постоянно с нами, хотя притупляясь, отходя временами куда-то на второй план, как боль, которая не прошла вовсе, но на время стала терпимой. Однако наступает момент и вспыхивает она с новой силой, и сказанное-обострившееся обретает новые оттенки, новые звучания, прорастает в нас новыми смыслами в соответствии с временем.

В начале 2000-х, работая научным сотрудником в музее Шукшина в Сростках, готовил выпуск сборника к юбилею Василия Макаровича. Много было разных материалов — земляки, родственники, друзья, писатели, кино- и литературоведы говорили о Шукшине живо и интересно: свидетельства, факты, эмоции... Но не хватало какой-то одной центральной связующей нити, какой-то зацепки, чтобы выстроить материал не просто в сборник, а в книгу. Не помню почему, но именно тогда и возникла

у меня мысль написать Валентину Яковлевичу Курбатову. Благо его электронный адрес в музее был, огорчало другое, времени для подготовки материалов оставалось совсем мало, а Курбатов, как назло, постоянно был в делах, в разъездах...

Однако природная тактичность Валентина Яковлевича и, полагаю, чувство долга — действительно, кому как не Курбатову было что сказать о Василии Макаровиче! — не позволили ему отказать. Он, помнится, выслал мне ролик телепередачи на ГТРК «Алтай» и предложил переложить запись на бумагу, чтобы использовать ее для этого сборника.

Бывает, что познакомишься с человеком заочно, вроде по делу списался, но его манера общения — внимательная, интеллигентная, тактичная и одновременно твердая, последовательная в суждениях — притягивает, располагает к себе. И деловая переписка как-то сама собой незаметно прирастает личностными моментами, эмоциями, желанием узнать мнение оппонента, и чем дальше, тем больше и больше усиливается это притяжение личности, а потом общение и вовсе в необходимость перерастает. Особенно когда собеседник — человек не просто интересный, но и интересующийся, причастный теме вашего разговора:

«Дорогой Сергей! Не ответил Вам, хотя получил и фотографии, и короткий рассказ о Шукшинских торжествах. Не очень здоров из-за жары и редко подхожу к компьютеру. Были ли настоящие открытия? Как когда-то речь Валентина Григорьевича на Пикете, как первый приезд Федосеевой, когда она встала на колени и попросила прощения у земляков Василия Макаровича. И, конечно, была немедленно со слезами прощена. Или пикеты против Катунской ГЭС. Каждый раз это было кипение, жадное дело, надежда завтра перевернуть мир и «доложить Макарычу». Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов».

Человек этот вдруг становится для тебя настолько родным и понятным, что испытываешь непреодолимую потребность встретиться с ним воочию, поговорить глаза в глаза, может быть, посоветоваться, потому что «сказанному больше доверия, чем писанному».

«Спасибо, дорогой Сергей, получил и книгу, и ваш буклет о Сросткинском храме. И душа запросилась в Сростки, хоть

бросай все и беги. Но у же, похоже, мне их не выдывать и в храме этом не маливаться... Ваш В. Курбатов».

И как это зачастую бывает, как-то все откладываешь эту встречу на потом, «на сладкое»: то собеседник по всей стране из конца в конец ездит по литературным форумам, то тебе непременно нужно закончить сразу несколько дел, и никуда не вырваться... А времени впереди — вагон! И все думаешь, ладно, успею еще, успею...

«Простите, Сергей, что не получилось ответить Вам вовремя. Сначала тяжелая поездка в Екатеринбург, потом театраль- ный фестиваль у нас в Пскове, где мне надо не только умничать, но и принимать участие в театральной лаборатории, то есть смотреть много разного вздору и потом стараться не сорваться на «материальные выражения» при обсуждении. Только вчера все это закончилось, гости поехали в Михайловское, а я уж не смог... Ваш В. Курбатов».

Не смог тогда приехать Валентин Яковлевич и на Шукшинские: «Нет, дорогой Сергей! В Сростки мне уже не доехать, как ни просится душа. И даже не от немощи, а просто надо будет обязательно ехать в Иркутск в начале июня, а на две поездки такого размаха меня никак не хватит. Да и не только это. Я мимолетно пытался сказать Вам по телефону, да не слышно было... Нужны на Празднике новые силы, та молодая литература, кото- рая сменила Василия Макарыча в жесткости и точном взгляде. Нужны те, кто сегодня стал реальной рабочей силой литерату- ры, ее действенной повседневностью. А приедем мы с Валерием Николаевичем Ганичевым — чего от нас ждать, кроме дежурной риторики и нравственных прописей, которых уже никто не хочет слушать. Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов».

Но все-таки беспокоился Валентин Яковлевич, душа, видимо, не на месте была, спрашивал с тревогой и с надеждой:

«А уж мне как жаль, Сережа, что я не смог быть в Сростках. Но так все тесно сошлось, что никак было не выбраться. А как бы- ло-то? Кто приезжал? Я-то еще и потому отказался, что боюсь не найти необходимой интонации и единства с остальными пи- сателями. Так мы все далеко разошлись, что, боюсь, уж прежне- го согласия не дожидаться. А порознь перед Василием Макары- чем неудобно. Не для того он нас собирает, чтобы мы в разные

стороны тянули или отделялись дежурными выступлениями. Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов».

...Теперь, спустя много лет, когда нет Валентина Яковлевича там — на другом конце интернета, только жалеть остается, что встретиться с ним вживую уже не представится возможным. Разве что там... И перечитываешь, перечитываешь письма...

Вот в одном из них, которое Валентин Яковлевич написал мне после прочтения сделанного варианта «расшифровки» его выступления:

«Спасибо, Сергей, за терпеливую работу. Я знаю, как противно переводить устное слово в письменное. Кое-что я тут поправил, потому что это разные жанры, но основу старался держать, чтобы человек слышавший не видел, что это два совершенно разных текста. Пусть это так и будет «расшифровкой» записи телепередачи. Почему-то кажется, что сказанному тексту больше доверия, чем писанному. Ваш В. Курбатов»

При этом он полностью согласился с небольшим вступлением, написанным мной тогда к этой публикации:

«Спасибо, Сергей, — вступление хорошее. Предчувствую, что и номер выйдет на славу. Очень надеюсь, что и выступления в этом году на Пикете будут впервые за последние годы достойны Василия Макаровича. И мы действительно задумаемся — «что С НАМИ происходит?» Вот уж подлинно, когда пришла пора кричать вместе с его Степаном: «Выбейте мне очи, чтобы мне не видеть вашего позора!» Кажется, мы уже дошли до самой последней ступени, до самого дна равнодушия друг к другу, к Отечеству. Принеси сегодня мальчик Пушкин в «Знамя» или «Октябрь» стихотворение «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!», ведь его прогонят с порога: «Мальчик, ты откуда? Не из Советского Союза? Какие порывы? Какая Отчизна? О чем ты?» Ладно, простите, а то и Вас расстрою, и сам заведусь. Ваш В. Курбатов».

Резко?.. Может быть. Так же, как излишне резкими видятся мне сейчас и свои слова, написанные в том вступлении. А может быть, и нет? Может быть, так и надо:

«Алтай, Бийск, Сростки, Шукшинские чтения... — для многих сегодня в России это звучания одного ряда. Имя Василия Макаровича неразрывно связано с Алтаем.

Но, задумываемся ли мы сегодня, произнося его всуе, по Шукшину ли живем, по правде ли? Иногда высказывают мнение, что и сами чтения в последнее время обофициозились, отошли от шукшинского «нравственность есть правда». Действительно, нравственно ли входить в горницу, не вытерев сапог, или в храм, не снимая головного убора?

Но мы едем на шукшинскую Гору поклониться Шукшину, на автобусах, на джипах, на вертолетах прилетаем, не слишком задумываясь при этом, что даже Гора не в силах все стерпеть и вынести... Что все разумение шукшинской правды, кроме прочего, еще главных — духовных усилий нам стоять должно. Но мы говорим об этом, как о чем-то привычном, обыденном — и это о шукшинской правде! — говорим порой, не очень-то задумываясь, в контексте сегодняшней адаптированной «правды» — лжи, говорим, как нам удобно это слышать...

Люди дорогие, а почему бы не подняться на Пикет пешком, не присесть на траву, подобно Василию Макаровичу, и, задумавшись об этом, не помолчать вместе с ним...

Не об этом ли еще в 2002 году говорил Валентин Курбатов, не это ли мы, по обыкновению своему, не услышали? Но говоренное им, Курбатовым, а прежде него Шукшиным, сегодня как-то обострилось, стало большее еще и явственнее, уродливее, точно внутренняя опухоль вдруг обнажилась и вылезла во всем своем «величии» наружу, и вот-вот лопнет... Авось, очистится. И мы вместе с ней».

Ведь перечитываешь сегодня и письма Курбатова, и свои слова — и понимаешь, боль, она не прошла, стала еще больнее, еще осязательнее, и так же по-прежнему слушаем мы, но не слышим друг друга, и расходимся в гордыни своей все дальше и дальше друг от друга — ибо расколотое уже не склеить. И оттого слова те курбатовские из телепередачи, точно о сегодняшнем времени говоренные, так нами и не услышаны до сих пор.

Иногда, правда, одерну себя, вот сейчас бы у Курбатова спросить, что он думает — увы, не спросишь, — а не нагнетаю ли я, не накручиваю сам себя?..

Интересно, что бы он ответил?